

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ДОЧЕРИ А. СТРИНДБЕРГА КАРИН СМИРНОВОЙ

Предисловие, публикация и примечания

А. Е. Парниса и М. Юнгренна (Швеция)

Владимир Пяст открыл для себя Августа Стриндберга в конце 1910 г., когда Анна Врубель дала ему прочитать автобиографический роман Стриндберга «Одинокий». Об этом открытии и о поездке в Стокгольм к Стриндбергу Пяст подробно рассказал в «Воспоминаниях о Блоке» и в книге «Встречи»¹.

Блок свидетельствовал, что познакомился с творениями Стриндберга через Пяста. Однако первое знакомство Блока, а также, видимо, и Пяста со Стриндбергом произошло значительно раньше — в декабре 1904 г., когда в журнале «Новый путь», где дебютировал и сотрудничал Блок, был напечатан сокращенный перевод романа Стриндберга «Уединение» (более известного под заглавием «Одинокий»). Сохранился комплект «Нового пути», принадлежавший Блоку, с его многочисленными пометами, свидетельствующими о том, что он внимательно читал роман Стриндберга². На страницах романа имеются два слоя помет, сделанных в разное время: при первом чтении в 1904 г. (простым карандашом) и, по всей вероятности, в мае 1912 г. (красным карандашом, который почти полностью стерт) — в это время Блок работал над статьей о Стриндберге и перечитывал его произведения. Маргиналии Блока на тексте «Уединения» требуют специального исследования. Отметим лишь некоторые из них. Блок отчеркнул страницу, где автор признавался в огромном влиянии на него Бальзака, и сверху написал: «NB — Бальзак!» Характерно, что рядом со словами Стриндберга о неприязни к собакам Блок ставит знак: !??? и на полях пишет: «Эта упорная ненависть к собакам — единственное, пока смущающее меня в Августе». Из полустертой надписи удалось прочитать лишь несколько слов: «1912, май. Это — (первое)... XIV т. Изд. „Современные проблемы“». Очевидно, Блок сверял тексты переводов этого романа Стриндберга. На сохранившемся XIV томе Полн. собр. сочинений Стриндберга (изд. «Современные проблемы») Блок поместил: «См. Новый Путь, № 12, 1904 г.» и «Эпизод о лавочке — такой яркий и живой — выкинут в Нов(ом). Пути. Кем и почему?»³

Как писатель и как личность Стриндберг сразу же приобрел для Блока такое значение, что летом 1911 г. он собирался вместе с Пястом поехать в Стокгольм, чтобы лично познакомиться со Стриндбергом. Однако из-за болезни Пяста и его денежных затруднений поездка эта так и не состоялась. Весной 1912 г., когда до Петербурга дошли вести о серьезной болезни Стриндберга, поездка в Стокгольм стала вновь актуальной. На сей раз не мог отправиться в путь сам Блок. Он усиленно советовал Пясту поехать одному, что тот и сделал в апреле 1912 г.

В Стокгольме Пяст пробыл дней десять. Смертельно больной Стриндберг не мог его принять. Но Пяст дошел все же до передней в квартире писателя в «Голубой башне» в центре города и через горячую передачу Стриндбергу свою книгу (она не сохранилась) с краткой запиской: «Августу Стриндбергу, Единственному, но больше уже не Одинокому — от молодых русских поэтов. Владимир Пяст, писатель из России». Еще до этого Пяст успел познакомиться с дочерью Стриндберга Карин и ее русским мужем Владимиром Мартыновичем Смирновым, которым он вручил для передачи Стриндбергу другую свою книгу — «Поэма в тонах» с надписью, «в которую вложил всю силу своей к такому близкому всем нам писателю любви». Эта книга с надписью сохранилась (см. фото на с. 421).

Из Стокгольма Пяст послал в газету «Русское слово» очерк о своих впечатлениях, который, однако, не был напечатан. Впоследствии на материале поездки в Стокгольм Пяст написал статью о Стриндберге для майского номера «Новой жизни».

14 мая 1912 г., спустя лишь несколько дней после возвращения Пяста в Петербург, скончался Стриндберг. Поместив перед собой портрет Стриндберга, привезенный Пястом из Стокгольма, Блок принялся за свою статью «Памяти Августа Стриндберга». 14 июля, ровно через два месяца,

Вл. Пястъ.

Nur an
August
ПОЭМА Strindberg,
dem Einzige,
ВЪ НОНАХЪ.

aber nicht der Einsame.
23 aprile 1912.
Августу Стриндбергу,
Единственному, но не
одинокому.
16 апр. 1912 Вл. Пястъ.
ИЗДАНИЕ
Т-ва „ПЕЧАТЬ“
Вл. Пястъ.

Till August Strindberg,
den Ende, men nu
redan icke den En-
same — af unga ryska
dictate.

Wladimir Pjast,
skrifställare fr. Ryssland.

ВЛ. ПЯСТ. ПОЭМА В НОНАХ, ПБ., 1910

Титульный лист с дарственной надписью Вл. Пяста

А. Стриндбергу на немецком и русском языках

16—29 апреля 1912

Музей-квартира А. Стриндберга, Стокгольм

ЗАПИСКА ВЛ. ПЯСТА А. СТРИНДБЕРГУ НА
ШВЕДСКОМ ЯЗЫКЕ: «АВГУСТУ СТРИНДБЕР-
ГУ, ЕДИНСТВЕННОМУ, НО БОЛЬШЕ УЖЕ НЕ
ОДИНОКОМУ — ОТ МОЛОДЫХ РУССКИХ ПО-
ЭТОВ». НА ОБОРОТЕ НАДПИСЬ: «ВЛАДИМИР
ПЯСТ, ПИСАТЕЛЬ ИЗ РОССИИ»

Автограф, апрель 1912

Рукописный отдел Королевской библиотеки,
Стокгольм

в Териоках новая театральная группа (Териокский театр Товарищества актеров, писателей, живописцев и музыкантов) по инициативе Блока показала в память покойного писателя пьесу «Винновны — невиновны?» в постановке Мейерхольда. Со вступительным словом о Стриндберге перед спектаклем выступил Пяст. Спектакль шел на фоне «синтетического» портрета Стриндберга работы Николая Кульбина. Среди зрителей были Карин и Владимир Смирновы, специально приглашенные из города Ловисы, где они проводили лето.

О спектакле в Териоках и происшедшем там знакомстве Блока с дочерью Стриндберга Карин рассказывает Пяст в своих «Встречах»⁴. Сама Карин Смирнова тоже, хотя и несколько по-иному, писала об этом (как и о встречах с Пястом в апреле в Стокгольме) в своих неопубликованных воспоминаниях.

Заметки Карин Смирновой подтверждают впечатление о недостоверности некоторых фактов в воспоминаниях Пяста⁴. Интересно сопоставить, как по-разному оба автора воспоминаний описывают то, что наблюдали. В этих воспоминаниях перед нами выступают два совершенно различных темперамента (и, кроме того, явная неспособность Карин Смирновой верно понять деятелей русского символизма).

Карин Смирнова родилась в 1880 г., умерла в 1973 г. Русский язык она начала изучать уже в школе в Гельсингфорсе, где жена Стриндберга жила с детьми после раннего развода. Рано проявился у нее интерес к русской литературе. Она особенно увлекалась Толстым. Именно из интереса к Толстому она начала осенью 1909 г. посещать лекции в Гельсингфорском университете, которые читал преподаватель русского языка и литературы Владимир Мартынович Смирнов. Вскоре они полюбили друг друга и поженились в сентябре 1911 г. Свадьбу справляли у Стриндберга, в «Голубой башне». Смирнов был большевиком, был лично знаком с Лениным

и Горьким. О Смирнове недавно вышла документальная повесть Ю. Ф. Дашкова «Его знали под именем Паульсон» (Москва, 1984)⁵.

Как писательница Карин Смирнова впервые выступила в 1915 г., когда вышел ее роман «Весенний порыв», получивший положительные отзывы и в русской прессе⁶. Наиболее известны ее книги документального жанра «Первая жена Стриндберга», 1925 г. (о матери) и «Так было в действительности», 1956 г. (о разводе родителей). Пьеса Карин Смирновой «Обреченный», 1923 г., была в том же году переведена на русский язык Анжеликой Балабановой, дружившей с семьей Смирновых. Некоторый интерес к этой пьесе проявил Горький. Намечалось издать ее русский перевод (что, по-видимому, не было осуществлено)⁷.

Воспоминания К. Смирновой, фрагмент из которых публикуется ниже, хранятся в Отделе рукописей Королевской библиотеки в Стокгольме (фонд А. Стриндберга, № 233).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Вл. Пяст. Воспоминания о Блоке. Письма Блока. Пб., 1923, 44, 91—92; Вл. Пяст. Встречи. М., 1929, с. 212—244. В связи с этим см. вступительную статью З. Г. Минц к переписке Блока с Вл. Пястом — наст. том, кн. 2, с. 186, а также статью М. Юнгренна, посвященную этой теме — Strindbergiana. Stockholm: Atlantis. 1989, pp. 100—126. См. также: Н. Нильссон. Стриндберг, Горький, Блок. — В кн.: IV международный съезд славистов. М., 1962, т. 1, с. 414; Д. М. Шарыпкин. Первоначальная редакция статьи Блока «Памяти Августа Стриндберга». — «Блоковский сб.», 1, с. 552—556.

² «Новый путь», 1904, № 12, с. 68—85 (пер. Гиберман). Принадлежащий Блоку комплект «Нового пути» за 1903—1904 гг. с его многочисленными пометами находится в Библиотеке ВТО (Москва, шифр: 05/Н—76/з. ф.) — См.: Библиотека А. А. Блока. Описание. Кн. 3, Л., 1986, с. 195—196.

³ «Новый путь», 1904, № 12, с. 76 и с. 68.

⁴ Пяст путает имена дочерей Стриндберга Карин и Греты, сына писателя Ханса он называет Акселем и превращает его во владельца художественной галереи, тогда как на самом деле он был служащим страхового общества. Пяст неверно утверждает, что В. М. Смирнова привел к Стриндбергу прежде всего интерес к его творчеству. Автором «Книги о Стриндберге» (Стокгольм, 1894), созданной целым коллективом литераторов, Пяст называет некоего несуществовавшего Акселя Боргена (вероятно, это контаминация имен героя романа Стриндберга «В шхерах», Акселя Борга, и норвежского писателя Арне Гарборга, одного из авторов книги о Стриндберге).

⁵ В. М. Смирнов жил и работал в Стокгольме с 1918 г. до своей смерти в 1952 г. Возглавлял Стокгольмское Отделение РОСТА, впоследствии стал советским консулом. Часто выступал с лекциями и докладами, писал статьи в шведской прессе о русской и советской литературе (о Пушкине, Лермонтове, Л. Толстом, М. Горьком, Л. Андрееве, Маяковском, А. Толстом, Эренбурге, Н. Островском, Шолохове и др.). В статье в газете «Афтон-Тиднинген» от 14 мая 1942 г. «Последние дни Августа Стриндберга» Смирнов рассказывает также о своих встречах с Пястом в Стокгольме в 1912 г. и в Петрограде в 1921 г. В Королевской библиотеке в Стокгольме хранится составленная Смирновым библиография переводов произведений Стриндберга на русский язык. См. также: Август Стриндберг. Библиографический указатель. Сост. Б. А. Ерхов. М., 1981.

⁶ См. рецензию К. Тиандера под заглавием «Дочь своего отца» в «Речи» от 27 июля 1915 г.

⁷ См. замечание Горького о русском переводе пьесы «Обреченный» в письме к Б. И. Николаевскому от июля 1923 г. (см. Л. Флейшман, Р. Хьюз, О. Раевская - Хьюз. Русский Берлин 1921—1923. Париж, 1983, с. 397, где, однако, в комментарии пьеса Смирновой перепутана с пьесой Стриндберга родственной тематики, (с. 398).

КАРИН СМИРНОВА. ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

Сначала я хочу рассказать еще об одной примечательной личности, с которой мы с Владимиром сталкивались в то время в Стокгольме. Это был один мечтательный русский из Петербурга, приехавший в Стокгольм из одной только «любви и уважения к Стриндбергу» (хотя никогда раньше не видел его лично). Владимир пишет о нем в своих воспоминаниях. Это был молодой человек, немножко похожий на Гоголя, темноволосый и голубоглазый, как украинцы. Фамилия его была Пестовский, имя и отчество мне неизвестны. Он писал под псевдонимом Пяст и был, кажется, довольно известен в литературно-поэтических кругах.

Из воспоминаний Владимира о Стриндберге в газете «Афтон-Тиднинген» от 14 мая, а также по моей памяти: в 1921 г. Владимир был в Петербурге и столкнулся с Пестовским на улице. Пестовский рассказал, между прочим,

что он недавно перевел на русский несколько стихотворений Стриндберга и что переводы эти оказались как будто удачными¹.

Я вспоминаю Пестовского как типичного «мечтателя», как таких обычно называли раньше. Овальное лицо, по цвету напоминавшее слоновую кость, чистая, бледная кожа, высокий, весьма благородной формы лоб, черные волосы. Отсутствующий взгляд мечтательных глаз, обращенный куда-то вдаль. Слабое, почти неохотное рукопожатие. Говорил он тихо и неясно, не заканчивая фразы или проглатывая ее конец. Он и не слушал того, что ему говорили, и не отвечал говорящему. Я для него не существовала. В лучшем случае он кивал головой, глядел мимо меня, продолжая говорить о своем. Как вспоминает Владимир, он приехал в Стокгольм почти без денег, что было для него характерно.

Мы встречали его в Стокгольме несколько раз, когда он совершал свои прогулки по Дроттнинггатан и однажды в гостинице, куда он пришел к Владимиру «задать несколько вопросов», на которые он как будто и не ожидал ответа. Но он внимательно следил за тем, что говорил Владимир и что писали газеты,— это подтверждается тем, что он написал статьи «в нескольких петербургских журналах» (по словам Владимира), «восторженных и грустных статей о последних днях Стриндберга и о его смерти»². Пестовский примыкал к «декадентам», корифеем которых являлся Блок. У Стриндберга «декадентов» привлекали его «мистические произведения». Другого они в то время не видели!

Весной, насколько я помню, Владимир писал: летом— была светлая ночь,— вскоре после смерти отца— до нашего отъезда в Ловису, Пестовский пригласил нас в Териоки³. Там группа артистов (частично любителей) и писателей поселилась на лето в большой, очень запущенной «даче» почти без мебели и гардин, с грязными обоями, скудно обставленную плохими железными кроватями, комодами и случайно собранными разными стульями. Там они хотели чествовать Стриндберга, устроив вечер его памяти.

Мы приехали дневным поездом под вечер, и нас сразу окружили любезные, но очень молчаливые и почтительные молодые артисты. Они, видимо, сомневались, выражать ли нам соболезнование или нет и потому только бормотали что-то невнятное и пожимали нам руки. Дольше всех с нами оставался Александр Блок, остальные вскоре удалились на дачу, предварительно заверив нас, что Блок— это тот поэт, Блок, которым они восхищаются. Блок писал «символически», как это тогда называлось.

Вскоре нас провели в зал, где была устроена импровизированная сцена. Там должны были сыграть какой-то акт из драмы «Виновны— невиновны?», помнится, сцену на скамейке в парке⁴. Все было на русский лад⁵. (Жена Блока была актрисой, она исполняла главную роль.) Перед началом представления вступительное слово о Стриндберге произнес Пяст. Он стоял за столом, покрытым черной бархатной скатертью, свисавшей до самого пола, на столе горели две восковые свечи, совсем в стиле Германа Банга⁶. Затем было прочитано стихотворение Блока о Стриндберге⁷, и началось представление. Когда оно кончилось, нас подвели к черно-белому, поясному «кубистскому» портрету Стриндберга с треугольным носом, четырехугольными щеками и т. п. (Художник делал его, как нам показалось, исходя из картины Рикарда Берга⁸.) Я сдерживала смех, а Владимир, не находя других слов, из вежливости повторял: «Очень интересно, очень интересно!», и мне было еще труднее сдерживать смех, тем более что нас снова окружили молчаливые артисты, глядевшие на нас в ожидании... Блок (им тогда восхищались «декаденты», после первой революции его еще больше возвеличивали революционеры; он умер в 1920 или 21 году), заметив наше недоумение и непонимание, объяснил, что перед нами не портрет в собственном смысле этого понятия, а... и так далее. Но глядя на большие, круглые, угольно-черные глаза папы, смотревшие на нас из всех трех- и четырехугольников, я не могла сосредоточиться на его «символическом объяснении»⁹.

Думаю, что нас угощали чаем из самовара. Одна из артисток показала нам места, где нам предстояло спать, и больше мы не слышали ни слова от всей компании. Стеснялись и они, и мы сами. На следующее утро, очень рано, мы кое-как умылись холодной водой из кувшинов и утерлись своими носовыми платками — полотенца, висевшие на гвоздях, были несвежие¹⁰.

Поезд из Петербурга в Гельсингфорс проходил Териоки около восьми утра, если не ошибаюсь. Попрощаться с нами никто не явился, ни чаю, ничего: во всем доме тишина. Все спали¹¹.

И мы просто-напросто отправились на станцию, выпили там наш утренний кофе с булочкой. Пришел поезд, и мы в смущении поехали домой.

Общество, в котором мы оказались, в какой-то, причем немалой, степени напоминало группу революционной молодежи из тургеневской «Нови».

Владимир получил от Пяста номера газет, в которых были помещены статьи Пяста о Стриндберге, но, к сожалению, их у меня нет¹².

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Говоря о воспоминаниях своего мужа, К. Смирнова имеет в виду главным образом его статьи к 30-летию со дня смерти Стриндберга «Воспоминания о чудесном бунтаре» в журнале «Ви» от 9 мая 1942 г. и «Последние дни августа Стриндберга» в газете «Афтон-Тиднинген» от 14 мая того же года. Из неопубликованных переводов Пяста из Стриндберга сохранилась только поэма „Летняя ночь“ (см. „Наше наследие“, 1989, № 4, с. 102).

² Цитата из статьи Смирнова в газете «Афтон-Тиднинген» от 14 мая 1942 г.

³ Вспоминая поездку в Териоки, К. Смирнова опирается на следующее место в статье в журнале «Ви» от 9 мая 1942 г., в которой автор, отметив влияние Стриндберга на М. Горького, далее писал: «Затем была ведь также и русская поэзия, символисты и мистики, так называемые „декаденты“, которые были страстными почитателями мистических драм Стриндберга („Путь в Дамаск“, „Игра грез“ и других). Летом после смерти писателя мне довелось самому побывать на необычном торжественном вечере памяти Стриндберга, на котором присутствовал также известный русский поэт Александр Блок. Это было в дачной местности вблизи Петербурга, где русская театральная труппа, участницей которой была жена Блока, сыграла драму „Виновны — невиновны?“. Перед представлением была в торжественно-сдержанном тоне произнесена речь в честь писателя. Оратор стоял у стола, покрытого черной бархатной скатертью, горели две восковые свечи».

В примечании к своим воспоминаниям, написанном позднее, К. Смирнова поправляет себя: «Согласно книге Г. Оллена „Драматургия Стриндберга“ (Стокгольм, 1961, с. 260), териокский вечер состоялся 14 июля 1912 г. Мейерхольд ставил спектакль, но сам он на вечере не присутствовал».

⁴ К. Смирнова ошибается, была сыграна вся драма.

⁵ По свидетельству Пяста («Встречи») и по воспоминаниям В. Веригиной («По дорогам исканий» (в кн. «Встречи с Мейерхольдом». Москва, 1967, с. 56), Смирновы были высокого мнения о представлении.

⁶ Герман Банг (1857—1912) — датский писатель.

⁷ Стихотворение Блока «Женщина» (III, 149—150).

⁸ Портрет Кульбина, выставившийся в 1912 г. в Петербурге на Морской, 38 и воспроизводившийся в журнале «Новая студия» (1912, № 8), несет на себе сильный отпечаток влияния известной картины шведского художника Рикарда Берга, созданной в 1912 г. Очевидно, Блок показал Кульбину открытку с репродукцией картины Берга, которую Пяст послал ему из Стокгольма 30 апреля (на следующий день после посещения «Голубой башни»). Этот синтетический портрет Стриндберга работы Кульбина, по-видимому, не сохранился.

⁹ Пяст понял слова Смирнова буквально: судя по «Встречам», Смирновы нашли портрет «не только очень схожим, но едва ли не лучшим, чем все известные им портреты», а сам он назвал его «истинным шедевром».

¹⁰ По воспоминаниям Пяста хозяевам с большим трудом удалось раздобыть для своих гостей три чистых и свежeweглаженных полотенец.

¹¹ Пяст рассказывает об этом утре иначе. Он пишет, что Смирнов и он поздравили друг друга с общим их днем именин, затем был подан кофе в маленьком кофейнике, с салфетками; таким образом было почти заглажено чувство стыда за примитивные условия ночлега.

¹² К. Смирнова говорит здесь о встрече мужа с Пястом в Петрограде 1921 г. Статьи, о которых идет речь, вероятно, — о драматургии Стриндберга, опубликованные Пястом в «Жизни искусства» в 1919—1922 гг.: «Август Стриндберг. Вместо некролога» — «Новая жизнь», СПб., 1919, № 5, с. 203—212; «О некоторых драмах Стриндберга» — «Жизнь искусства», 1919, № 324, 23 декабря; «О некоторых драмах Стриндберга. „В Дамаск“» — «Жизнь искусства», 1920, № 332—333, 1—2 января, № 334—336, 3—5 января, № 337—338, 8—9 января; «О некоторых драмах Стриндберга. „Преступление и преступление“» — «Жизнь искусства», 1920, № 365—366, 6 и 7—8 февраля; «Август Стриндберг (Умер 14 мая 1912 г.)» — «Жизнь искусства», 1922, № 18, 9 мая.